

Андрей Устинов
Александр Гингер в начале 1920-х годов:
от «Гатарапака» к группе «Через»

à L. L.

...Вы меня не знаете. Моя фамилия Гингер,
я по профессии поэт, если это можно назвать
профессией.

Гайто Газданов¹

Устрой слова и ряд сложи умелый

Александр Гингер

Александр Самсонович Гингер (1897—1965)² начал писать стихи незадолго до приезда в Париж в 1919 г. Стихотворение «Свора верных», давшее название его первой поэтической книге, датировано 1918 годом, а ещё два стихотворения из той

©Andrei Ustinov, 2013.

© TSQ № 45. Summer 2013.

¹ Рукопись воспоминаний «Памяти Гингера» Гайто Газданова отличается от его напечатанного некролога («Памяти Александра Гингера». *Новый журнал*. Кн. 82 (1966). С. 126—132). Текст воспоминаний находится в собрании Софии Прегель (University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection). Газданов написал воспоминания по просьбе Прегель, вероятно в связи с организованным ею 2 декабря 1966 г. вечером памяти Гингера. Хотя рукопись не подписана, она сохранилась в архиве с её пометкой: «Газданов».

² Биографические сведения о лицах, упоминаемых в статье, приводятся выборочно. В большинстве случаев имена, годы жизни и род занятий участников литературно-художественной жизни раннего периода русской эмиграции в Париже достаточно известны или могут быть сверены при ознакомлении с основополагающей работой: Леонид Ливак. «„Героические времена молодой зарубежной поэзии“». *Литературный авангард русского Парижа (1920—1926)*». *Диаспора: Новые материалы*. Т. 7. СПб.—Париж: Athenaeum-Феникс, 2005. С. 131 et passim; далее везде: *ЛЛ*).

же книги — 1917-м³. В середине мая-начале июня 1921 года он участвует в создании объединения молодых поэтов и художников «Гатарапак», в название которого входит начальная буква его фамилии, а прочие позаимствованы у других основателей кружка: *T* — у художника Константина Терешковича, *P* — у журналиста и художественного критика Сергея Ромова, *П* — у Бориса Поплавского, в то время художника и начинающего поэта⁴.

Наиболее загадочна в названии кружка последняя буква *K*, но предположения, что она восходит к имени либо поэта Довида Кнута — тогда ещё Давида Фиксмана, — либо художника Сергея Карского — после публикации основного источника по истории «Гатарапака» — дневников Поплавского⁵, — и ввиду противоречия с другими историческими фактами,

---

³ Стихотворение «Мой Петербург» в той же книге датировано 1913 г., и, хотя возникает желание отнести это стихотворение к *juvenilia* и считать его «первым известным» стихотворением Гингера, это, скорее всего, — опечатка.

⁴ Как замечает Л. Ливак, «скорее всего, слово „Гатарапак“ было придумано по модели „Дада“, т. е. с педагогической целью — поразить аудиторию отсутствием немедленно очевидного смысла, что, в свою очередь, вело к множеству интерпретаций и активному участию аудитории в освоении эстетики движения» (ЛЛ. С. 145). Предложенная мной — в развитие этой загадки — расшифровка криптографического названия кружка (Андрей Устинов. «Борис Божнев до „Борьбы за несуществование“». *Vademecum: In Honor of Lazar Fleishman*. Сост. и редакция Андрея Устинова. М.: Водолей, 2010. С. 287; далее везде — АУ–ББ) требует поправки: поэты М. Талов и В. Парнах имели к «Гатарапаку» только косвенное отношение. Альтернативные интерпретации, которые дают в своих поздних воспоминаниях Талов (Марк Талов. *Воспоминания. Стихи. Переводы*. Сост. и комм. М. А. Таловой, Т. М. Таловой, А. Д. Чулковой. Предисл. Ренэ Герра. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2005. С. 60) и К. Терешкович (Владимир Хазан. «Вокруг Александра Гингера и Довида Кнута. (Три архивные заметки о русской парижской поэзии)». *Vademecum: In Honor of Lazar Fleishman*. С. 543) не представляются до конца убедительными. Важно, однако, то, что все — и мемуаристы, и исследователи — безоговорочно называют Гингера одним из основателей «Гатарапака».

⁵ Борис Поплавский. *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма*. Сост., комм., подг. текста А. Н. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Книжница-Русский путь-Согласие, 2009. С. 185 et passim; далее везде — Поплавский. Гингер впервые упоминается в дневниках Поплавского 16 июня 1921 г. — в записи, относящейся к учреждению «Гатарапака»: «Пошли с Костей <Терешковичем. — А. У.> в столовую. Оттуда к Еве. Я читал. <...> Оттуда в таверну на St. Michel, где основали клуб. Оттуда пошел ночевать к Гингеру. По дороге говорили о теософии» (Там же. С. 185).

представляются сомнительными. Тем не менее, Поплавский довольно регулярно упоминает в дневниковых записях репортёра и литератора Якова Цвибака, более известного под псевдонимом «Андрей Седых». Рискнём предположить, что именно его фамилия нашла рифменное отражение в дадаистском сочетании «Гатарапак». Если бы название кружка заканчивалось не рифмой с фамилией Цвибак, а её первой буквой, оно бы вызывало ненужные ассоциации со смешными словами русского языка, заканчивающимися на букву «ц».

Частая посетительница встреч объединения Галина Издебская описывала выступления Гингера:

Большой симпатией аудитории пользовался Александр Гингер, которому подсказывали, когда он с застенчивой улыбкой подымался, чтобы читать свои стихи:

«Просительной не простираю длани...».⁶

А Я. Цвибак вспоминал авторское исполнение стихотворения «Западное преданье»: «Александр Гингер читал о том, как „дядя Джим пришел один из первых, на просторы Западного края“»⁷. В это же время Гингер становится поэтическим наставником Поплавского. 19 июля последний записывает в дневнике свои впечатления от дня, проведённого в «Ротонде» (Café de la Rotonde; 103, boulevard du Montparnasse): «Рисовал Фиксмана... Пришел Гингер, показал стихи, раскритиковал. Я немного рассердился»⁸.

---

⁶ Галина Издебская. «Гатарапак». *Новое русское слово*. № 14863 (5 января 1953). С. 3; Галина Станиславовна Издебская (Heléna Izdebska, урожд. Гусарская; 1893—1955) — польская переводчица и поэтесса, в эти годы постоянно печаталась в модернистских журналах „Montparnasse“, где публиковала свои стихи на французском языке, и в „Esprit Nouveau“, где выступала в качестве критика.

⁷ Андрей Седых. *Далёкие, близкие*. 3-е изд. Нью-Йорк: Издание «Нового русского слова», 1979. С. 276 (<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1125>). На самом деле эти строки Гингера звучат так: «Дядя Линч пришел один из первых / На раздолья Западного края».

⁸ Борис Поплавский. *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3*. С. 191.

Летом 1921 года Гингер принимает участие в утверждении другого кружка — скорее даже, литературного кабаре — «Палата поэтов» и 7 августа выступает на первом инаугурационном вечере этого объединения вместе с поэтом и переводчиком Марком Таловым, поэтом и танцовщиком Валентином Парнахом, прибывшим с Кавказа поэтом и драматургом Георгием Евангуловым и недавно обратившимся к литературному творчеству художником Сергеем Шаршуном. «Старожил Тибетский»⁹, как прозвал Гингера в одном из своих писем поэт Борис Божнев, примкнул к «Парижским старожилам»¹⁰: Талов, Парнах и Шаршун оказались в Париже ещё до 1917 года. Именно этим объясняется противоречащая настойчивой эсеровской «повестке дня» и насаждаемому «миссионерскому» настрою русской эмиграции показательно нейтральная и никак политически не ангажированная позиция этого объединения¹¹.

---

⁹ Андрей Устинов, Владимир Хазан. «Конструкция преданности: Борис Божнев в письмах Александру Гингеру и Анне Присмановой». *Toronto Slavic Quarterly*. 2012 (Fall). Vol. 42. P. 239; далее везде — Устинов, Хазан.

¹⁰ «Среди этих членов русской колонии, этих „парижских старожил“, (— для нас, только что приехавших —), Валентин Парнах казался бесспорным авторитетом по всем вопросам литературно-аристократического Парижа, поэтом, достигшим известности, обладавшим большими знакомствами, связями и влиянием в литературных кругах, где он был, думалось нам, „своим человеком“» (Анатолий Юлиус. «Русский литературный Париж 20-х годов». *Современник* (Торонто). 1966. № 13 (июнь). С. 85). Замечу, что Юлиус берёт сочетание «парижские старожилы» в кавычки, возможно, потому, что тот же термин гораздо раньше использовал Г. Адамович и, как ни странно, именно в приложении к Гингеру: «Александр Гингер — поэт первого эмигрантского „призыва“, парижский старожил, один из столпов и основателей здешних русских поэтических кружков и школ. Его незачем представлять и своеобразнейшее его дарование давно известно всем, кто стихи читает» (Георгий Адамович. „Литературные заметки“. *Последние новости*. № 6730 (31 августа 1939). С. 3).

¹¹ См. подробнее: *МЛ*. С. 132—135; *АУ—ББ*. С. 273—275. Неверно представлять «Гатарапак» и «Палату поэтов» как «две организации-близнецы» так же, как утверждать, что «вечера „Палаты поэтов“ <...> продолжались под названием „Гатарапак“» (Режис Гейро. «Группировки и журналы русского авангарда в Париже (1920—1940)». *Русский Париж 1910—1960*. (Альманах. Вып. 35). СПб: Palace Editions, 2003. С. 65).

Деятельность «Палаты поэтов» и неожиданное внимание, оказанное парижскими литераторами кружку русских поэтов¹², подвигают недавно прибывшего на одном пароходе с отцом и сыном Поплавскими из Константинополя издателя О. Зелюка¹³ предложить Талову, известному ему по газете «Одесский листок» и единственному узнаваемому на Монпарнасе русскому поэту, «подобрать сотрудников и редактировать новый литературно-художественный журнал <...> под эгидой „Палаты поэтов“»¹⁴.

Помимо своих соратников по «Палате» Талов приглашает к сотрудничеству К. Бальмонта, И. Эренбурга и др. 3 сентября Эренбург пересылает Талову стихотворения М. Цветаевой, В. Ильиной, Б. Пастернака, Р. Ивнева, С. Буданцева и свои — «по 2 каждого, всего 12», заметив, что если журнал «аполитичен абсолютно, то Вы можете поставить среди сотрудников поэтов, стихи которых я Вам посылаю, и меня»¹⁵. Как вспоминает Талов, «из затеи с журналом ничего не вышло. Зелюк неожиданно решил передать его редактирование А. А. Койранскому¹⁶. С этим „Палата поэтов“ согласиться не могла, опасаясь, что под редакцией Койранского, крайние политиче-

---

¹² Парижский журналист, переводчик и руссофил Жан Шюзвиль (Jean Chuzeville; 1886—1960?) помещает отчет об открытии «Палаты поэтов» в газете „Les hommes du jour“ (No. 134 (13 août 1921). P. 2). Деятельность Шюзвиля по рецензированию современной русской поэзии началась ещё в 1913 г. Начиная с рецензии на „Cor Ardens“ Вячеслава Иванова и «Зеркало теней» Валерия Брюсова (номер от 16 марта 1913 г.), его обзоры появлялись почти в каждом выпуске „Mercure de France“ на протяжении 1913—14 гг. Особенного внимания заслуживает статья: Jean Chuzeville. „Les Poètes. Futurisme. Akméisme. Adamisme, etc.“ *Mercure de France*. Т. 106 (Novembre-December. 1-XI-1913). P. 201—204.

¹³ Орест Григорьевич Зелюк (1888—1950) — в Париже владелец типографии «Франко-русская печать», печатавшей, например, «Последние новости» и одноимённого издательства, в частности, выпустившего последнюю книгу Талова «Двойное бытие» (Париж: Франко-русская печать, 1922. — 64 с. — 505 экз.). Первый издатель «Тёмных аллей» И. Бунина (Париж: La presse française et étrangère, 1946) и объект эпиграммы В. Ходасевича (см.: Н.А. Богомолов. «„Подражания древним“ Вл. Ходасевича». *Vademecum: In Honor of Lazar Fleishman*. С. 378 и 380—381).

¹⁴ Марк Талов. *Воспоминания. Стихи. Переводы*. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 61.

ские взгляды которого были известны, журнал примет неприемлемую для нас политическую окраску»¹⁷. Отказавшись от издания журнала, Зелюк, тем не менее, не отказался от издания поэтических книжек участников кружка, выходивших в его издательстве «Франко-русская печать» под маркой «Палаты поэтов»¹⁸.

В декабре 1921 г. выходит в свет первый сборник стихотворений Гингера «Свора верных»¹⁹, который он тогда же надписывает Талову:

Марку-Людовику Талову,
которого я люблю и уважаю

АГ

Дек.<абр> 21²⁰

Книга Гингера была второй, изданной под маркой «Палаты поэтов» вслед за сборником Евангулова «Белый духан»²¹,

---

¹⁶ Александр Арнольдович Койранский (1884—1968), беллетрист, критик, художник. В то время исполнял обязанности секретаря журнала «Современные записки». См. о нём подробнее: А. Б. Устинов. «Койранский, Александр Арнольдович (Ааронович)». *Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь*. Т. 3: К—М. М.: Большая российская энциклопедия — Фианит, 1994. С. 11—13.

¹⁷ Марк Талов. *Воспоминания. Стихи. Переводы*. С. 61.

¹⁸ 6 августа 1921 г. Поплавский записывает в дневнике: «К Зелюку с папой. Будем ходить по музеям (с его женой), и он издаст мою книгу» (Борис Поплавский. *Собрание сочинений: В 3 т.* Т. 3. С. 195). Дневниковые записи Поплавского в этом издании напечатаны с многочисленными погрешностями; здесь прочтение записи исправлено по копии из собрания С. А. Карлинского.

¹⁹ Александр Гингер. *Свора верных*. Париж: «Палата поэтов», <на тит. л.> 1922. 37 с.

²⁰ См. репродукцию инскрипта на вклейке иллюстраций в изд.: Марк Талов. *Воспоминания. Стихи. Переводы*.

²¹ Георгий Евангулов. *Белый духан*. Обл. Di Lado <Л. Гудиашвили>. Париж: Палата поэтов, 1921. 45 с. Сохранился экземпляр книги, подаренный Евангуловым Талову: «Марку-Людовику Талову, / певцу двух стихий — Любви и Голода / с пожеланием, чтобы Любовь / пожрала Голод / Преданный / Автор / 20 ноября 1922 / Париж» (воспроизведён в: Марк Талов. *Воспоминания. Стихи. Переводы*. [без пагинации; после текста книги]).

выход которого был отмечен торжественным вечером, устроенным «Палатой», как и предыдущие двенадцать, в кафе «Хамелеон» (Café Caméléon) на углу бульвара Монпарнас и улицы Первого Похода²². Однако несмотря на весёлое празднование выхода сборника, отмеченное во французском модернистском журнале «Монпарнас»²³, книга Евангулова осталась почти незамеченной эмигрантской публикой. И даже единственная рецензия на неё в парижской печати оказалась какой-то недописанной. Кроме того, казус этого отклика заключался в том, что под псевдонимом «А. Арданов» писал редактор несостоявшегося журнала «Палаты поэтов» А. Койранский:

Только что вышедшая книга стихов г. Евангулова несомненно заслуживает внимательного отношения со стороны читателя.

---

²² «Кабачок с вывеской „Хамелеон“», как его назовёт Евангулов в своей мемуарной поэме «Необыкновенные приключения Павла Павловича Пупкова в С.С.С.Р. и в эмиграции» (Париж, 1946. С. 77) просуществовал до 1923 г. по адресу: 146, boulevard du Montparnasse (à côté rue Campagne Première).

²³ XXX. „A Montparnasse: La Chambre des Poètes russes“. *Montparnasse*. No 6 (1er décembre 1921). P. 7. По удачной догадке Анник Морар автором отчёта был В. Парнах, предоставивший в редакцию журнала свой рукописный текст (см.: А. Морар. «Валентин Парнах, Марк Талов и Сергей Шаршун. „Парижские старожилы“ между Францией и Россией». *От Бунина до Пастернака. Русская литература в зарубежном восприятии. К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: Международная научная конференция: Москва, 16—19 ноября 2009 г.* Сост., науч. ред. Т. В. Марченко. М.: Русский путь, 2011. С. 164, 169). По этой причине имя Гингера было перевернуто („Alexandre Geurger“) в самой первой заметке о «Палате поэтов», напечатанной в журнале (см.: А. Морар. *Указ. соч.* С. 163; ср.: „Les echos: La chambre des poètes russes“. *Montparnasse*. No. 4 (1er octobre 1921). P. 7). В этом же выпуске «Монпарнаса» появилось стихотворение Парнаха «Набережная в Неаполе» в совместном переводе с Жаном Шюзвилем (Valentin Parnak. „Le quai de Naples“. *Ibid.* P. 4). В русском анонсе вечера содержалось настойчивое приглашение: «Надо надеяться, что Парижская публика отзовется на вечер молодого поэта, который за свое кратковременное пребывание в Париже выпускает новую книгу стихов» («Вечер Г. Евангулова». *Общее Дело*. № 485 (15 ноября 1921). С. 3; ср. также отчёт о вечере: «Белый Духан». *Там же*. № 489 (19 ноября 1921). С. 3).

Правда слишком часто еще чувствуется отсутствие опытной руки «мастера» стиха, часто срывается неудачный образ, неудачный оборот, но вместе с тем в ней так много ярких, свежих красок, такой сочный, блестящий колорит.

Совсем непонятными для духа книги кажутся стихи «под Ахматову»:

Когда остались вдвоем,
Глаза взглянули строже...
Я знаю — тебе дороже
Спокойствие твое.
Мы в сердцах одно слово носим,
Как легкое пламя, как бремя...
Я в апреле предчувствую осень
И хочу оттянуть время.²⁴

Если Георгию Евангулову и суждено обрести свой поэтический облик, он найдет его не в тихой, молитвенной лирике Ахматовой, а в «Белом Духане», под бой большого турецкого барабана и протяжное пение зурны.²⁵

Напротив, с выходом в свет «Своры верных» «Палата поэтов» прочно утвердилась на тогда ещё размытой и аморфной литературной карте русского Парижа. Скрывшийся за инициалами М. С.²⁶ рецензент берлинского журнала «Споло-

---

²⁴ Цитируются два первых катрена стихотворения «Когда остались вдвоем...» (Георгий Евангулов. *Белый духан*. С. 24).

²⁵ *Последние новости*. № 491 (22 ноября 1921). С. 4; атрибуция авторства рецензии устанавливается по гранкам номера газеты, где над зачёркнутым красными чернилами псевдонимом «А. Арданов» вписано «Койранский» (знакомству с гранками этого выпуска «Последних новостей» я обязан покойному Андрею Савину).

²⁶ Впервые введший эту рецензию в научный оборот А. Алексеев не решился расшифровать этот криптоним (А. Д. Алексеев. *Литература русского зарубежья: Книги 1917—1940. Материалы к библиографии*. СПб.: Наука, 1993. С. 54). С тех пор при ссылках на эту рецензию инициалы раскрываются без соответствующих пояснений. По одним утверждениям за этими инициалами скрылся Марк Слоним, по другим — Михаил Струве, причём ни то, ни другое утверждение не доказательно. Наиболее вероятный автор рецензии, исходя из стилистических особенностей текста — Сергей Ма-

хи» противопоставляя сборник Гингера книге Евангулова, которая была описана им как «просто русско-провинциальная»:

Автор, кавказский житель, не без таланта передает местный колорит, но русское слово, русский оборот речи ему чужды и, в устах его, порой просто смешны. Так, описывая непривычный ему европейский костюм, автор восклицает: «в галстук, без шаровар гляжу назад во мглу столетий!» <...> Та же экзотика, пересаженная на европейскую почву («В Казино» и «Когда остались вдвоем»), звучит у автора и неверно, и расслабленно.

Кажется нам, что пока еще Евангулову опасно уходить от местных тем. Ибо для этого нужна долгая привычка к европейской культуре, прочная литературная традиция и, конечно, гибкость и независимость языка. Всего этого у автора «Белого Духана» еще пока нет.

* * *

Александр Гингер недоступную эту для Евангулова Европу почувствовал и рисует порой весьма верно. <...> Куда же поэт, человек подлинно городской, сейчас устремляется? Где его другая, высокая жизнь? Пока — в кинематограф, ибо большего он не видел. Ков-бой, что

Задаст всеобщую попойку,
Дразнит нежноногих новичков,
И горланит у салунной стойки
Песню возвращения быков. —

Это один герой. Другой — это «джэк-лондоновский» игрок, познавший высшую радость в игре — а «не на тесном ложе и не в пыли библиотечных книг», но «между лиц бесстрастных нарочито»...

Во всяком случае, мы полагаем, что, несмотря на тяжеловатость и неуклюжесть, у Гингера больше данных стать поэтом, чем у Евангулова со всей соблазнительностью его восточных арабесок.²⁷

ковский, выступавший в берлинской прессе в роли рецензента и сотрудничавший с журналом А. Дроздова, однако, и это — всего лишь предположение.

²⁷ *Слохои*. 1922. № 4 (февраль). С. 39.

Отчасти этому способствовал необычный в то время приём в организации поэтического материала книги, позаимствованный Гингером из поэтических сборников эпигонов 1910-х годов и перенесённый на эмигрантскую почву, а именно обильное использование посвящений. «Свора верных» открывалась посвящением сразу всем основным участникам объединения:

Моим товарищам по Палате Поэтов:

Георгию Евангулову
Валентину Парнаху
Марку-Людовику Талову
Сергею Шаршуну.

Посвящения, однако, на этом не закончились. Стихотворение «Простительной не простираю длани...» было посвящено *Дор. Ш.*²⁸ (с. 7), стихотворение «Голубеет небесный свод...» — *Константину Терешковичу*²⁹ (с. 13). В стихотворении «Акростих» («Прилежный стих разделен и согласен...») читается посвящение Довиду Кнуту: *Поэту Фиксману* (с. 14). Стихотворение «Недвижный сон дышал тобой...» посвящено *В. П.* (с. 18), а магистральное стихотворение сборника «Свора верных, чутконосных...» — матери поэта *М. М. Гингер*³⁰ (с. 21). К по-

---

²⁸ То есть Доротее (Доре) Шрайбман, матери известных в Париже сестёр Иды, Дины и Бети. Художница Ида Григорьевна Карская (1905—1990) — единственная из Шрайбманов пережившая Вторую мировую войну — вспоминала: «Моя мать была человеком резким, но очень хорошей хозяйкой, отменно готовила, а я так этому у нее у не научилась» (Ида Карская. «Из бесед с В. П. Чинаевым». Публ. В. П. Чинаева и Л. С. Флейшмана. *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Ed. by Lazar Fleishman. (Stanford Slavic Studies. Vol. 20). Stanford, 1999. P. 203). 3 октября 1930 г. в письме к Бети Шрайбман влюблённый в её сестру Дину Поплавский передаёт следующее пожелание, обращённое ко всем трём сёстрам: «Гингеры очень хотели бы, чтобы вы приехали. Хотя бы на Рождество или будущим летом» (Поплавский. С. 467).

²⁹ В 1921—23 гг. Терешкович выполнил портреты Гингера, Бориса Божнева и Ильи Зданевича. Портрет Гингера воспроизведён В. Хазаном в составе его публикации в сб.: *Vademecum: In Honor of Lazar Fleishman*. С. 541.

³⁰ Мария Михайловна Гингер (урожд. Блюменфельд; 1876—1942) была практикующим в Париже зубным врачом и вдохновительницей участни-

священиям можно отнести и стихотворение «Памяти Блока» («Незнакомкины губы подкрашены...») (с. 22) и вариацию на американскую тему «Кау-бой» («Дальний Запад — дуг неисходимый...») (с. 27), обращенную, скорее всего, к художнику Нау-му Грановскому, дизайнеру книги Ильи Зданевича «ЛидантЮ фАрам», который представлялся на Монпарнасе, как «Сэм» и носил прозвище «Ковбой»³¹.

Такая особенность конструкции книги Гингера была ещё непривычна для эмигрантской среды, но в скором времени стала едва ли не «общим местом»: особенно злоупотреблял посвящениями Поплавский, у которого немного стихов, не относящихся к жанру *dedicatio*³². Другие близкие Гингеру поэты с удовольствием пользовались этим приёмом. Борис Божнев предварил свою первую книгу «Борьба за несуществованье» тройным посвящением: «Гансу Андерсену / Чарльзу Диккенсу / Франсису Жамму»³³. И уже вслед Божневу тоже триумвиратом: «Посвящается / Александру Гингеру / Анне Присмановой / Илье Зданевичу»³⁴, — открыл свой невышедший сборник стихов 1925—26 гг. «Дирижабль неизвестного направления: Вторая книга стихов» Поплавский.

ков «Палаты поэтов». Ей посвящены стихотворения «Мравал-Жамие: За-здравный тост» Г. Евангулова (в сб. «Белый духан») и «Дрожь банджо, саксофонов банды...» Парнаха (в сб. «Карабкается акробат»). См. также многократные упоминания М. Гингер, у которой постоянно лечил зубы Поплавский, в его дневниках, начиная с записи от 24 июля 1921 г. (Поплавский. С. 192 et passim).

³¹ См.: Устинов, Хазан. Р. 182.

³² Другим жанром поэтического общения стали также «взаимопосвящения». О поэтическом обмене Гингера и Поплавского см.: Vladimir Khazan. "Some Observations on the Early Years of Émigré Poetry." *The Russian Emigration: Literature. History. Chronicle of Films*. Ed. by V. Khazan, I. Belobrov'tseva, S. Dotsenko. Jerusalem-Tallinn, 2004. P. 155—156; о «взаимопосвящениях» Божнева и В. Андреева: Вадим Андреев. *Стихотворения и поэмы*. Подг. текста, сост. и прим. Ирины Шевеленко. С пред. Лазаря Флейшмана. Т. 2. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 36). Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1995. P. 300—301.

³³ Борис Божнев. *Борьба за несуществованье*. Париж, 1925. С. 7.

³⁴ Борис Поплавский. *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Стихотворения*. Вст. ст. Е. Менегальдо. Подг. текста, комм. А. Н. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Книжница-Русский путь-Согласие, 2009. С. 70.

И если представительница молодого поколения русских поэтов в Берлине Вера Лурье в своей мини-рецензии отмечала «поэтические влияния» у Гингера: «Поэт весь в исканиях; часто он не справляется со своим замыслом, стихи его бывают просто скучны, или сквозь строки глядят самые различные поэты современности от Гумилева до Есенина»³⁵, то в памяти его парижских «литературных соратников» эта книга оставила запоминающийся след. Тридцать лет спустя, 5 марта 1952 г., высказывая восхищение переводом Гингера с английского, Божнев писал ему: «...я знаю и приветствую талант Ваш — еще теснее — к тому басно-бессловному прошлому — из которого порою слышен мне лай гармонический „Своры Верных“»³⁶.

Рецензия Лурье была вызвана не только выходом в свет книги Гингера, но и тем, что он был замечен как поэт. Одно его стихотворение было принято в газету «Дни» и напечатано в конце января 1923 г. в разделе «Литература и искусство» одновременно со стихотворениями Михаила Цетлина (Амари) и Владимира (Корвин-)Пиотровского:

От начала и до окончанья
Дни твои да будут хороши.
Искус добровольного молчанья
Праведно и гордо соверши.

Ведь слова гремят в долине здешней,
И от них больней сердца стучат.
Побеждают горе жизни внешней
Только те, которые молчат.

И зачем нескромные поэты
Сочиняют звучные псалмы?
Те, кто знает внутренние светы —
Целомудренно глухонемы.

---

³⁵ *Дни*. № 99 (25 февраля 1923). С. 11; криптоним «В. Л.» раскрыт А. Алексеевым (см.: А.Д. Алексеев. *Указ. соч.* С. 54).

³⁶ *Устинов, Хазан*. Р. 219.

Твердо труд приняв с зарею ранней,
Так до поздней продолжай зари.
День твой полон разочарований,
О которых ты не говори.

Словом искренним должны пролиться
Дважды в сутки верные сердца:
Рано утром Господу молиться,
Поздно вечером хвалить Творца.

Целый день в груди великодушной
Мечутся словесные огни,
И горят в тревоге непослушной,
И безмолвные стогнут они.

Но душа не будет сиротлива,
И хотят немотствовать уста.
Слава сильным! Разве суетлива
Набожного сердца чистота?

Непроизносимые молитвы —
Достоянье Божьего раба,
А слова — рабам житейской битвы,
Потому что вера их слаба.

1922³⁷

Вскоре это стихотворение будет включено Гингером в его вторую поэтическую книгу «Преданность»³⁸, так же, как и стихотворение «Ветер», рукопись которого он передал Владимиру Кемецкому (Свешникову) для публикации в московском альманахе «Недра»³⁹: главный редактор этих «литературно-художественных сборников Н. Ангарский (Клестов) в это время находился в Берлине. Ангарский прибыл в Берлин в

---

³⁷ *Дни*. № 75 (28 января 1923). С. 11.

³⁸ Александр Гингер. *Преданность: Вторая Книга Стихов*. Обл. В. Барта. Париж: «Канарейка», 1925. 94 с.

³⁹ *Недра: Литературно-художественные сборники*. Кн. 3. М.: Новая Москва, 1924. С. 132—133.

декабре 1922 г.⁴⁰ и оставался там до октября 1923 г.⁴¹, руководя изданием из Берлина и периодически наезжая в Москву.

Однако выходу «Преданности» предшествовал другой издательский проект, связанный как раз со стихотворением «От начала и до окончания...». И в газетной публикации, и в книге «Преданность» его текст идентичен, но в авторском экземпляре сборника Гингера, который хранился в собрании А. Савина (нынешнее его местонахождение неизвестно), над стихотворением было от руки написано посвящение: *Борису Божневу*. Посвящение — это не только содержательное, но и игровое: Гингер обыгрывает созвучие фамилии своего друга слову «божий». После него то же самое сделает и Поплавский — сначала в стихотворении «Молитво Слов»⁴², а после в стихотворении «Оно», где эпитет соединён с фамилией поэта напрямую: «И Божнев Божий с неба обронен»⁴³. Как и в первом сборнике, многие стихотворения «Преданности» несут посвящения товарищам Гингера по «Палате поэтов» и «Гатарapaкy», в том числе и театральному режиссёру Павлу Вейсбрему, известному на Монпарнасе под артистическим прозвищем «Поль Куклимат»⁴⁴. И только Божневу посвящены два стихотворения: «От

---

⁴⁰ 29 ноября 1922 г. И. Эренбург извещал В. Лидина: «Ангарский в Лондоне», — а в письме от 7 декабря иронически замечал: «Ангарский не вошел в кафе, испугавшись вращающихся дверей» (Илья Эренбург. *Письма*. Т. 1. 1908—1930. «Дай оглянуться...». Изд. подгот. Б. Я. Фрезинский. М.: Аграф, 2004. С. 225, 230).

⁴¹ Ангарский извещал о своих планах П. Зайцева в одном из последних берлинских писем: «Выеду из Берлина в Москву 11—13/Х» (М. Чудакова. *Жизнеописание Михаила Булгакова*. М.: Книга, 1988. С. 209).

⁴² См. замечание в работе: АУ—ББ. С. 275.

⁴³ Vladimir Khazan. „Some Observations on the Early Years of Émigré Poetry.“ P. 155.

⁴⁴ Павел Карлович Вейсбрем (1899—1963) создал в Париже театральную мастерскую, которую вспоминал в мемуарной статье «Опыт „Гатарapaкy“» Д. Кнут: «Большим успехом пользовался также „Передвижной театр слов, которым руководил талантливый режиссер-еврей В. (сейчас он работает в СССР)» (Довид Кнут. *Собрание сочинений. В двух томах*. Сост. и комм. В. Хазана. Вст. ст. Д. Сегала. Т. 1. Иерусалим: The Hebrew University of Jerusalem, 1997. С. 264). Подобно Талову и Парнаху, Вейсбрем вернулся в СССР в 1923 г., жил в Ленинграде и был известен как режиссёр Театра юного зрителя, где работал с 1958 г. По рассказам знавших его, он никогда

начала и до окончания...» — несмотря на то, что посвящение выпало из вёрстки книги, об этом непременно знали и он сам, и поэты и художники их круга, — а также стихотворение „Amours” («Над прозаизмами богатой лире...»). Вследствие этого имя Божнева в книге Гингера принимает особый статус. Объясняется это не только долговременными дружескими отношениями обоих поэтов, но и литературными обстоятельствами.

В 1922 г. издатель и редактор авангардного журнала «Удар», художественный критик и культуртрегер Сергей Ромов предложил напечатать совместный сборник Божнева и Гингера. Смысл этой рискованной антрепризы заключался в том, что Ромов, зарабатывавший на жизнь в одной из переловых парижских типографий «Унион» („L'imprimerie Union”), основанной в 1910 г. русскими эмигрантами Вольфом Шалитом (Wolf Chalit) и Димитрием Снегарёвым (Dimitri Snégaroff), собирался издать и отпечатать книгу двух молодых никому не известных русских поэтов-модернистов там же, где выпускались дорогостоящие художественные издания и охотно обслуживался богемный Париж. Среди клиентов типографии числились поэты Гийом Аполлинэр и Пьер Зегер, коллекционер и создатель журнала „Cahiers d'Art” Кристиан Дзервос, известный галерист Поль Гийом, а позже услугами типографии охотно пользовались сюрреалисты. Ромов как раз и рассчитывал на высокое качество полиграфии в «Унионе», пригласив в качестве иллюстратора близкого друга обоих поэтов художника Константина Терешковича. Книга должна была выйти под маркой издательства «Двенадцать» — это название было данью памяти его проекту, предпринятому двумя годами раньше совместно с художником Михаилом Ларионовым.

ни при каких обстоятельствах не вспоминал время, проведённое в Париже. Ему посвящены два стихотворения Парнаха, вошедшие в сборник «Карабкается акробат» (Париж: Изд. «Франко-русская печать», 1922): «Эйфелева башня» (с. 21—22) и «Стремглав, по лестнице веревочной» (с. 31 — с опечаткой в инициалах: «А. К. Вейсбреду»).

В апреле 1920 г. издатель и книгопродавец Яков (Жак) Поволоцкий⁴⁵ открыл при своём книжном магазине выставочный зал «Мишень» („Galerie de la Cible“) с целью пропаганды нового парижского искусства: именно здесь Сергей Шаршун знакомится сначала с Тристаном Тцара, а позже — с Франсисом Пикабия⁴⁶. Одновременно с этим под маркой «Мишени» был начат выпуск высококачественных художественных изданий. Первым из них в конце апреля вышел в свет французский перевод поэмы Александра Блока, осуществлённый Ромовым, с иллюстрациями Ларионова⁴⁷.

14 мая в воскресном выпуске газеты «Последние новости» было напечатано следующее объявление:

С той же опечаткой в наборе: русское *Б* в слове *Boulevard*, — объявление было повторено в следующем номере газе-

⁴⁵ Яков Евгеньевич Поволоцкий (Jacques Povolozky; 1882—1945) эмигрировал из России в 1913 г. и основал издательство и книжный магазин „J. Povolozky et Cie Éditeurs“ (13, rue Bonaparte, VIe). См. подробнее: Войцех Залевский, Евгений Голлербах. *Распространение русской печати в мире: 1918—1939 гг. Справочник*. СПб.: Российская национальная библиотека, 1998. С. 230—231.

⁴⁶ «Уже вернувшись в Париж, я присутствовал в Salle Gaveau — на дадаистической демонстрации, — вспоминал Шаршун. — После чего, послал по почте рисунок Франсису Пикабия. Затем столкнулся с ним в русском книжном магазине Поволоцкого, где подготавливалась дадаистическая выставка» (Сергей Шаршун. «Мое участие во французском дадаистическом движении». *Воздушные пути*. Т. 5 (1967). С. 168—169. Ср. скорректированную реконструкцию знакомства Шаршуна с Тцара и Пикабия: *МЛ*. С. 138.

⁴⁷ Alexandre Blok. *Les Douze*. Traduit du russe par Serge Romoff. Avec sept illustrations d'après les dessins de Michel Larionow. Paris: „Édition d'Art La Cible“, 1920. — 44 p. — Tirage à 510 exemplaires numérotés; un des 500 sur vergé d'Arches.

ты (16 мая), но и только. Издание Ромова не осуществилось и пополнило *Bibliotheca promissa* русской поэзии⁴⁸.

О том, что стихи для этой книги были подобраны и даже более-менее подготовлены для издания, свидетельствует сохранившийся в одной из записных книжек Божнева⁴⁹ листок с перечнем стихотворений, помеченных «Для Дружбы» и прежде вызывавший недоумение. Эти записи дают основание предположить, что стихотворения Гингера «От начала и до окончания...» и «Amours» должны были войти в их совместный с Божневым сборник «Дружба», вместе с другими стихотворениями 1922 года. Поскольку издание не состоялось, эти тексты были включены Божневым в его первую поэтическую книгу «Борьба за несуществование», а Гингером — соответственно в «Преданность». Название невышедшего сборника давало точное определение отношениям двух поэтов, которые сложились, вынесли проверку и были закалены совместными литературными выступлениями как раз в этот временной промежуток: в 1922—23-м, — и остались такими до конца дней⁵⁰. Один из таких эпизодов — участие Гингера и Божнева в «русском бале для французского Дада».

23 февраля 1923 г. Илья Зданевич, который — по замечанию хроникёра журнала «Удар» (собственно редактора Ромова) — «за время своего пребывания в Париже <...> развил очень кипучую и активную деятельность»⁵¹, организует в Зале Бюлье (*Salle Bullier*; 31, avenue de l'Observatoire) «Большой заумный бал-маскарад» („Grand Bal des artistes TRAVes-

---

⁴⁸ Роман Тименчик. «*Bibliotheca promissa*. Теневой портрет русской поэзии начала века». *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Ed. by Lazar Fleishman. (Stanford Slavic Studies. Vol. 20). Stanford, 1999. P. 119—144.

⁴⁹ *Boris Bozhnev papers*. Hoover Institution Archives (Stanford, California).

⁵⁰ См. подробнее во вступительной статье к публикации писем Божнева к Гингеру и Присмановой: *Устинов, Хазан*. С. 166—167, 171—172.

⁵¹ *Удар*. 1923. № 4. С. <22>. Рецензент этого номера журнала, Н. Синезубов замечал: «Споры мастерских, брожения и увлечения дня, все то, чем полна скрытая от публики подлинная художественная жизнь, никогда не попадает в большие, солидные журналы. Поэтому скромный вид парижского „Удара“ не должен пугать человека, желающего окунуться в капризное, непостоянное и неудовимое море современной живописи» (*Дни*. № 254 (2 сентября 1923). С. 11).

ti/TRAnsmental”) в пользу «недостаточных» членов недавно созданного Союза русских художников в Париже. Войдя в состав организационного комитета вместе с Владимиром Издебским, Борисом Григорьевым, Михаилом Ларионовым, Сергеем Рафаловичем и др., он составляет монументальный список организаторов этого грандиозного представления, в котором, среди прочих, числятся Антуан Бурдель, Робер Делонэ, Соня Делонэ-Терк, Наталия Гончарова, Цугухару «Леонард» Фуджита, Пинхас Кремень, Ханна Орлова, Жюль Пашин, Осип Цадкин и Пабло Пикассо⁵².

Обложка программы «Grand Bal des artistes TRAVesti/ TRAnsmental»

⁵² См. пригласительный билет и афишу «Grand Bal des artistes TRAVesti/ TRAnsmental».

Концертное отделение и аукцион были сдиржированы скульптором Оскаром Мещаниновым, а в самой программе бала «доминировали номера с откровенно дадаистскими названиями: „четыреглавый зародыш“, „выборы бородатых женщин в королев ночи“, „трансатлантическая компания карманых воров“ и пр.»⁵³. Дадаисты также были привлечены к участию. Почти за месяц до бала Зданевич обращается с идентичными письмами к Т. Тцара, Ф. Пикабия, Андре Бретону и, вероятно, другим участникам движения Дада⁵⁴ с предложением принять участие в этом «заумном» действе:

30—1—23

Милостивый

Государь,

23 февраля 1923 г.

Союз русских художников

организуе бал в зале Бюле.

От имени Организационного комитета я прошу Вашего содействия в устройстве этого вечера. Не будете ли Вы так добры предоставить в распоряжение комитета Ваши поэтические произведения с целью их публикации в программе и использования при декорации зала.

Будьте любезны прийти в кафе „Closerie des Lilas“ (171, bd Montparnasse) в среду 31 января в 4 часа, откуда

---

⁵³ М. С. 176.

⁵⁴ Возможно, что письмо было послано также Полю Элюару, несмотря на то, что в его архиве оно не сохранилось (см.: Iliazd. „En approchant Éluard“. Dossier établi par Régis Gayraud. *Carnets de l'Iliazd Club*. No. 1 (1990). P. 69). Из списка приглашённых дадаистов можно исключить Луиса Арагона, отношения с которым у Зданевича не сложились. В своём «Проекте истории современной литературы», над которым Арагон начал работать в 1923 г. по просьбе поклонника литературного авангарда и коллекционера Жака Дусэ (Jacques Doucet, 1853—1929), он дал Ильязду нелицеприятную характеристику: «Тцара сошелся с неким Зданевичем, в котором я вижу воплощение русской глупости, возможно, в её худшем выражении, и который изобрел заумный язык, достойный дурацких изобретений П.-А. Биро» (<Louis> Aragon. *Projet d'histoire littéraire contemporaine*. Édition établie, annotée et préfacée par Marc Dachy à partir du manuscrit original inédit de 1923. Paris: Gallimard; Digraphe, 1994. P. 122—123). Упоминаемый здесь Пьер Альбер-Биро (Pierre Albert-Birot; 1876—1967) — поэт и драматург, в 1916—19 гг. редактор авангардного журнала „SIC (Sons Idées Couleurs)“.

мы отправимся в Бюлье, чтобы распланировать помещение.

Искренне Ваш,

Илья Зданевич⁵⁵

Участие дадаистов этим не ограничилось: к балу-маскараду выпускается специальная программа. Её макет готовят Ларионов и Гончарова⁵⁶, которые ничтоже сумняшеся привлекли к этому Пикассо. В программе воспроизведены три его рисунка: «Сидящий салтимбанк», «Салтимбанки с оркестром» и связанный с предыдущими темой цирка рисунок «Лошадка» — на странице, отведённой автографам приглашенных на бал популярных клоунов Франсуа, Альберта и Паоло Фрателлини. Помимо рисунков Пикассо здесь были напечатаны литографии Н. Гончаровой, Сергея Ястребцова⁵⁷, Андре Дерэна и Хуана Гриси. Однако главная составляющая программы была дадаистской: в традиции печатных выступлений парижского объединения Дада на трёх страницах были представлены автографы поэтов.

На первой: воспроизведение стихотворений Винсента Гюй-добро и Г. Издебской, а также иллюстрированная машинопись стихотворения «Прокатиться на солнце» („sur une ride du soleil“) Тцара, заканчивающаяся характерным значком Дада: ☞.

---

⁵⁵ Письмо к Пикабиа опубликовано: *МЛ*. С. 175, — и приводится здесь в переводе Л. Ливака. Письмо Зданевича к Тцара напечатано: „Seize lettres. Correspondance Trisan Tzara — Iliazd“. Commentée par Régis Gayraud. *Carnets de l'Iliazd Club*. No. 2 (1992). P. 70.

⁵⁶ См.: John E. Bowlt. „Faces Painted with Fanciful Patterns“. *Avant Garde: Interdisciplinary and International Review*. Jan van der Eng / Willem G. Weststeyn (Ed.). No. 5/6 (1991). P. 82.

⁵⁷ Известный под своим французским *nom de plume* Серж Фера (Serge Férat; 1881—1958), в 1949 г. он участвовал в составленной Зданевичем антологии «Поэзия неузнанных слов»: Iliazd. *Poésie de Mots Inconnus*. Poèmes de Akinsenoyin, Albert-Birot, Arp, Artaud, Audiberti, Ball, Beaudouin, Bryen, Derme, Hausmann, Huidobro, Iliazd, Jolas, Khlebnikov, Krutchonykh, Picasso, Poplavsky, Schwitters, Seuphor, Terentiev, Tzara. Paris: Le Degré 4, [1949]. См. о нём: Jeanine Warnod. „Serge Férat et ses amis“. *Hommage à Serge Férat. Collection Haba et Alban Roussot*. Paris — Hôtel Dassault. Lundi 22 octobre 2007 a 20 H. Paris: Artcurial, 2007. P. 8—15.

Вторая страница была «неоромантической: здесь были напечатаны автографы Малькольма Фаули, Пьера Реверди⁵⁸ и Николая Бодуэна.

Третья страница была отведена русским парижским поэтам. Здесь были воспроизведены автографы Г. Евангулова, В. Свешникова (Кемецкого), Исаака Рискина⁵⁹, Владимира Познера, Анатолия Юлиуса⁶⁰. Возможно, что отобранные для программы строфы Божнева и Гингера должны были войти в сборник «Дружба».

В программе напечатан автограф стихотворения Божнева, позднее включённого им в «Борьбу за несуществование»:

Ребенок ушибившись плачет
и трет свой маленький ушиб,
но что удар смертельный значит
для тех кто столько раз погиб,

а мать ребенка утешает
и на руки его берет,
но что же значит боль большая
для тех, кто столько раз умрет...⁶¹

---

⁵⁸ О значимости этого поэта Божнев писал Гингеру летом 1929 г.: «Как ни странно, я до последнего времени предполагал, что Вы будете внутренне-тайно равняться на — П. Валери или хотя бы П. Реверди...» (*Устинов, Хазан. С. 188*).

⁵⁹ Исаак Ильич Рискин (1901? — после 14 сентября 1942) — поэт. Эмигрировал в Берлин, с 1922 г. — в Париже. Принимал участие в вечерах «Гатарапака», а в марте 1923 г. вошёл в группу «Через». Во время Второй Мировой войны арестован, отправлен в лагерь Дранси. Погиб в Освенциме.

⁶⁰ Анатолий Михайлович Юлиус (1897—1977) — поэт, инженер-химик. Ср. в письме Божнева к Гингеру от 14 мая 1953 г.: «А Жулиус — Анатолий Юлиус?? Жив ли после войны» (*Устинов, Хазан. С. 228*).

⁶¹ Борис Божнев. *Борьба за несуществование*. Париж, 1925. С. 34. Экземпляр программы вечера также сохранился в архиве И. Зданевича, см.: Борис Божнев. *Собрание стихотворений в двух томах*. Под ред. Лазаря Флейшмана. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 24). Т. 2. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1989. С. 282. Конечно, речь идёт не о «пригласительном билете на „Bal transmental“», а о другом типе ephemera: о программе или, если угодно, о буклете. Л. Флейшман отмечает, что «во второй строке стихотворения в этой редакции разночтение: „и трет свой маленький ушиб“». В книге вторая строчка читается: «И трет синееющий ушиб».

Гингер же отдал в программу четверостишие из стихотворения 1922 г. «Преданность»:

Безуспешно чада хитрой злобы
Соблазнить пытались бы меня.
Горе вам повапленные гробы!
Ваши знаки — дрожь и суетня.

В этом — даже не центральном — катрене из стихотворения в семь строк Гингер скомбинировал древнерусский образ гробов, выкрашенных вапью (или вапой), с евангельской отповедью лицемерам: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23:27). Тот же образ он использовал в послевоенной псевдонимной прозе, описывая чудовищный катаклизм Второй Мировой войны:

А мы, повапленные гробы, будем по<->прежнему заниматься нашими презренными любовью и ненавистями! И гробы будут судить и казнить друг друга, пока огонь не очистит Землю от проклятых сынов Адама, как некогда воды поглотили горделивых Атлантов:

Огонь и вода очищают преступную землю.⁶²

Современники очень хорошо улавливали одну из поэтических установок Гингера — поиск новых языковых форм в рамках традиционных стиховых уложений. Такой контраст словесной инновации и классической просодии ставил критиков в тупик, но внимательные читатели и «Своры верных» и «Преданности» ценили гингеровское творчество именно за это. Ольга Андреева-Карлайль вспоминая друзей своего отца, поэта Вадима Андреева, замечала: «Кроме него <Поплавского. — А. У.> был Гингер, талантливый, пишущий очень изысканные в смысле языка псевдо-простые стихи»⁶³. А сам Ан-

---

⁶² Агния Нагаго. «Из записной книжки». *Честный Слон / L'honnête éléphant*. № 25 (3 ноября 1945). С. 1.

⁶³ Теперь хранятся в Русском архиве в Лидсе (Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds).

дреев, откликаясь на книгу Гингера «Жалоба и торжество»⁶⁴ в журнале «Русские Записки», писал:

Эта острая оригинальность, подчас настолько острая, что невольно начинаешь бояться — как бы не победил поэта акробат и фокусник, конечно, оказывается очень многим не по душе. Читатель обыкновенно боится того, к чему надо привыкать, ему приятно, если он сразу угадывает, откуда пришел данный поэт и куда он идет. С Гингером все догадки бесполезны — *он пришел ниоткуда и идет в никуда, он существует сам по себе, как некий марсианин, случайно попавший на нашу землю.* Его очень трудно полюбить, да и он сам как будто очень мало заботится об этом — он мучительно боится всякой красоты, всего, чем можно соблазнить читателя. Но зато, раз полюбив, невозможно проигнорировать равнодушно мимо его стихотворения.⁶⁵

В марте 1923 г. Гингер входит в состав творческого объединения «Через». Планы создания новой группировки русских поэтов и художников в Париже были стимулированы визитом Владимира Маяковского, который, получив с помощью Сергея Дягилева, французскую визу, 18 ноября выехал из Берлина во Францию:

„Дягилев был в Берлине одновременно с Маяковским. Маяковский ему очень понравился. Почему вы не приедете в Париж? — спросил Дягилев. — А как? Надо иметь зацепку, — отве-

---

⁶⁴ Александр Гингер. *Жалоба и Торжество. Третья книга стихов.* (Серия «Русские поэты». Вып. 6). Париж: Дом книги / Maison du livre étranger, 1939. — 45 с. — 200 экз.

⁶⁵ *Русские записки.* № 18 (Июнь 1939). С. 194; пассаж, отмеченный курсивом, был исключён из печатного текста, но сохранился в архиве В. Андреева (Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds). Ср. также в его воспоминаниях: «От Поплавского я впервые услышал имена А. Гингера, Б. Божнева, Ильязда (Илья Зданевич), о том, что в Париже, кроме Бунина, Мережковского и Гиппиус, есть „молодые“ не только в своих литературных стремлениях, но и политически расходящиеся со „стариками“» (Вадим Андреев. *История одного путешествия.* М.: Советский писатель, 1974. С. 304). Я благодарен Ричарду Дэвису за копии материалов из Русского архива в Лидсе.

чал Володя. Дягилев обещал помочь с визой. Ему это было трудно сделать. У него были большие связи среди французов...⁶⁶

За семь дней, проведенных в Париже, В. Маяковский посетил мастерские Р. и С. Делонэ, Н. Гончаровой и М. Ларионова, побывал на похоронах Марселя Пруста, скончавшегося 18 ноября, и встретил Жана Кокто, по его словам, «моднейшего сейчас писателя-парижанина», которого описал в памфлете «Семидневный смотр французской живописи»: «Кокто — бывший дадаист, поэт, прозаик, теоретик, пайщик „Эспри нуво“, критик, драмщик, самый остроумный парижанин, самый популярный, — даже моднейший кабачок окрещен именем его пьесы „Бык на крыше“». Там же он описал свою встречу с художником Виктором Бартом:

Если высокомерное отношение Франции не отразилось на Ларионове и Гончаровой, сумевших продвинуться в другие страны, то русским без энергии Париж — крышка. Я был в мастерской Барта, очень знакомого нам художника до войны, человека серьезного, с большим талантом, — в его крохотном поднебесном ателье, я видел десятки работ несомненно интересных и по сравнению с любым французом. Он голоден. Ни один купец никогда не будет носиться с его картинами. Эта группа уже с подлинным энтузиазмом относится к РСФСР⁶⁷.

Упомянутая Маяковским «эта группа» художников вокруг Барта и составит костяк будущего объединения «Через», с которым связан следующий этап литературной биографии Гингера.

---

⁶⁶ М. Ларионов в рассказе В. Катаняну в 1956 г.: В. А. Катанян. *Маяковский: Хроника жизни и деятельности*. Отв. ред. А. Е. Парнис. Изд. 5-е доп. М.: Советский писатель, 1985. С. 235. 17 ноября 1922 г. И. Эренбург предупреждает Г. Издебскую: «К Вам приедет поэт Маяковский (он сегодня уехал в Париж, визу ему устроил Дягилев). Помогите ему посмотреть парижских оборотов» (Илья Эренбург. *Письма*. Т. 1. С. 217; письмо ошибочно датировано «18/11»).

⁶⁷ Владимир Маяковский. *Полное собрание сочинений: В 13-т.* Т. 4. Подгот. текста и примеч. В. А. Аругчевой и З. С. Паперного; Ред. А. Февральский. (АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького). — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 250.